

BENJAMIN R. FOSTER. Akkadian Literature of the Late Period (Guides to the Mesopotamian Textual Record. Vol. 2). Münster: Ugarit-Verlag, 2007. XI, 147 p.

Книга Б. Фостера «Аккадская литература в поздний период» в доступной форме знакомит широкую аудиторию, в первую очередь филологов и историков, не являющихся специалистами в семитологии и ассириологии, с различными жанрами поздней литературы на аккадском языке. По существу это сжатый обзор произведений, снабженный краткими цитатами из них в качестве иллюстраций и весьма ценным подробным библиографическим указателем, который позволяет познакомиться в дальнейшем с изданиями оригинальных текстов и комментариями к ним в научной литературе. Следует добавить, что читателю полезно было бы иметь под рукой и другую книгу Б. Фостера – двухтомную антологию аккадской литературы, уже выдержавшую три издания¹, на которую автор постоянно ссылается.

Под «поздним» здесь понимается период приблизительно от 1200 г. до н.э. до начала I в. н.э., времени последних клинописных текстов. Это определение отличается от традиционной периодизации памятников аккадского языка. Позднеавилонским периодом лингвисты и историки обычно условно называют время после персидского завоевания Вавилонии в 539 г. до н.э. Предшествующий период носит название нововавилонского или, когда речь идет об Ассирии, новоассирийского. Автор объединяет их исходя из того, что в литературе этого времени господствовал так называемый «стандартный вавилонский» язык – термин, разумеется, создан современными учеными. Этот язык преподавался в школах и, в частности, обилием архаической лексики отличался от современного ему разговорного вавилонского диалекта, не говоря уже об ассирийском, который имел и значительные фонетические отличия. Некоторые произведения позднего периода, особенно определенные молитвы и плачи, писались на двух языках: шумерском и аккадском. Так поддерживалась традиция религиозного двуязычия.

Все включенные в рассмотрение произведения автор условно разделил на две группы. В первую вошли творения, посвященные реальной жизни людей (глава II «Человеческий опыт в аккадской литературе», с. 13–48). Здесь собраны легенды, посвященные царям далекого прошлого, а также эпические повествования о царях, ассирийских и вавилонских. Здесь же мы находим жанр царского письма: их часто переписывали позднейшие писцы. Далее следуют самые разные жанры литературы: пророчества, поучения, знаменитые поэмы о невинном страдальце и «Диалог о пессимизме», басни, спор Пальмы и Тамариска, «Сказка о Ниппурском бедняке» и другие немногочисленные юмористические и сатирические произведения. За ними идут любовная поэзия, плачи, гимны, адресованные царям Ассирии, хвалебные сочинения в честь городов и храмов и наконец автобиографические записи.

Глава III названа «Лицом к лицу с божественным в аккадской литературе» (с. 49–98). В нее вошла вторая группа, которую составляют произведения, связанные с религиозными представлениями, в том числе космологические мифы, гимны богам, магические заклинания, оракулы царям, исходящие из уст богов; сюда же отнесены и важнейшие эпические произведения – «Атрахасис», «Этана», «Эпос об Эрре» и «Гильгамеш».

До сих пор нет полного единства по вопросу об отнесении к понятию «литература» магических текстов (с. 92); многие исторические, правовые, гадательные тексты больше не рассматриваются как литературные.

Автор включил в обзор поздней литературы и произведения, известные с гораздо более древнего времени, чем конец II тыс. до н.э., в тех случаях, когда можно проследить интерес к ним в I тыс. до н.э., когда их переписывали и особенно когда возникали новые версии. При этом иногда происходило переосмысление событий. Так, в поздней версии «Легенды о Нарамсине» героический пафос сменяется настроением раскаяния по поводу напрасных жертв войны из-за неповиновения божеству.

Фостер посвятил страницы 67–73 «Эпосу о Гильгамеше», наиболее полный текст которого сохранился в библиотеке Ашшурбанапала в Ниневии, хотя имеются и гораздо более ранние, старовавилонские фрагменты. Версии эпоса во II тыс. до н.э. были известны по меньшей мере на трех языках (аккадском, хеттском и хурритском); канонизированный текст копировался в Вавилонии и в эллинистическое время.

¹ Foster B.R. Before the Muses. An Anthology of Akkadian Literature. Bethesda, 2005.

В дополнение к этому можно теперь указать на находку самых первых строк «Гильгамеша» в Угарите; сделана она была еще за 14 лет до публикации, датированной 2007 годом². Текст написан, очевидно, учеником писца и содержит полную первую строку эпоса с «ассирийским акцентом»: *ša na-aq-ba i-mu-ru il-di ma-ti* – «Тот, кто видел глубины – основания земли». Т. Квасман нашел в Британском музее отбитый уголок с окончанием первой строки только в 1998 г., на четыре года позже!

Б. Фостеру знаком перевод «Гильгамеша» на русский язык, сделанный выдающимся отечественным ассириологом Игорем Михайловичем Дьяконовым; автор отмечает, что предположение И.М. Дьяконова о возможном бытовании аккадского «Гильгамеша» уже в саргоновскую эпоху (2300–2200 гг. до н.э.), по-видимому, подтверждается очень древним текстом, содержащим аллюзию на странствие Гильгамеша в поисках бессмертия (с. 67). Пересказ эпоса Б. Фостер завершает собственной оригинальной интерпретацией поздней версии «Гильгамеша»: он полагает, что это повествование могло восприниматься как изображение пути познания в его последовательных этапах, начиная с самого нижнего – чувственного познания. За ним следует развитие социального опыта, включая употребление в пищу приготовленных продуктов, уход за телом, одежду. Социальная жизнь предполагает некоторую ответственность внутри общества и способствует защите группы и ее ценностей, материальных и духовных. За этим следует познание другого человеческого существа, соединение двоих и постижение самоотверженной любви. Все это омрачается осознанием неизбежности смерти. Знание сохранится для будущих поколений в виде записанного слова. Гильгамеш в эпосе находит ответ на вопросы о прошлом человечества до потопа и о судьбе человека за гробом (с. 72 сл.).

Важную роль в вавилонской эпической традиции играла личность Навуходоносора I, жившего в конце XII в. до н.э. и возвратившего в Вавилон статую верховного бога Мардука из Элама, куда она была увезена за столетие до этого. Автор касается дискуссии о возможном датировании поэмы о сотворении мира «Энума элиш» («Когда вверху...») именно временем возвращения статуи Мардука. Б. Фостер высоко оценивает строгий и ясный стиль вавилонских по происхождению царских эпических повествований, сравнивая их с ассирийскими не в пользу последних. Ассирийские тексты этого жанра обращены к единственному центру – главному герою, в роли которого обычно выступает царь. В отличие от ассирийских вавилонские эпические произведения нередко изображают царя вовсе не сказочным героем, а человеком, которому не чужды страх и колебания.

В своей периодизации (с. 12) автор выделяет вторую часть постулируемого им позднего периода (с 625 г. до конца правления Дария I, т.е. 486 г. до н.э.) и называет это время веком Вавилона.

Из более поздних текстов, рассмотренных в книге, особый интерес представляет малоизвестное произведение о несчастьях, постигших Набу-шум-укина, одного из сыновей царя Навуходоносора II. Последний заключил сына в тюрьму по наветам клеветников. Арестованный обратился к богу Мардуку с мольбой их наказать. Автор этого произведения был хорошо знаком с месопотамской литературой и наполнил плач аллюзиями на многочисленные произведения аккадской литературы, употребляя при этом изысканную лексику, нигде более не встречающуюся. Как полагают, автором этого плача мог быть сын Навуходоносора II, который изменил свое имя и стал называться Амел-Мардуком, т.е. «человеком Мардука», когда бог, услышав его мольбу, освободил его из заключения и помог стать царем. Среди других произведений заслуживает внимания гимн храму Эзида, обиталищу бога писцового искусства Набу в Борсиппе. В тексте содержится мольба к Набу, призывающая его не покидать своего жилища. Рассказ о том, как бог Нергал стал супругом царицы преисподней Эрешкигаль, был настолько популярен, что он обнаружен не только в библиотечных собраниях Ассирии, но и в эллинистическом Вавилоне и даже в египетской Амарне, где по этому тексту учили аккадский язык египетские писцы.

Сохранились также многочисленные гимны, славившие богов, в частности Шамаша и Мардука. Самое позднее из таких сочинений относится ко времени правления Антиоха Сотера (281–261) и его наследника Селевка. Оригинальные сочинения на аккадском языке писали вплоть до середины III в. до н.э., и эллинистические цари продолжали поддерживать древние культы страны. В поздних копиях известны также сотни заклинаний с советами, как избавиться от различных болезней или защититься от злых демонов. Отличительной чертой месопотамских заклинаний является то, что они вовсе не содержат советов о накоплении богатства или достижении внешней привлекательности.

Среди жанрового многообразия аккадской литературы встречаются произведения, где рассказывается о том, что произошло с героем после его смерти, в преисподней, где покойники ведут безрадостное существование, потеряв человеческие черты и всякие социальные различия. Тем не менее согласно тогдашним представлениям души умерших сохраняли чувство голода и жажды. Родственники обязаны были приносить соответствующие жертвы, совершать возлияния.

² *Arnaud D. Corpus des textes de bibliothèque de Ras Shamra-Ugarit (1936–2000) en sumérien, babylonien et assyrien // Aula Orientalis Supplementa 23. Sabadell, 2007. № 42. P. 130–134. Pl. 19–20. См. также George A.R. The Gilgamesh Epic at Ugarit // Aula Orientalis. 2007. 25. P. 237–254.*

Персидское завоевание Месопотамии в 539 г. до н.э. не оказало значительного влияния на аккадскую литературу. Лишь немногие аккадские литературные сочинения могут быть отнесены к персидскому периоду. Среди них выделяется тщательно составленный отчет о вступлении Кира II в Вавилон, написанный от имени самого царя. Клинописная традиция копирования литературных произведений, составления гадательных текстов, астрономических сочинений и т.д. продолжалась и в это время. Заметное развитие в Вавилонии эллинистического периода получило составление клинописных текстов, в которых аккадские и шумерские слова сопровождались греческой транскрипцией – ассириологи называют их текстами *Graeco-Babyloniaca*. В этот заключительный период истории месопотамской цивилизации знание клинописи и шумеро-аккадской литературы стало достоянием узкого круга людей. Тем не менее использование клинописи для записи астрономических наблюдений продолжалось до раннехристианского времени.

М.А. Дандамаев, Н.О. Чехович

© 2010 г.

K. SCHMIDT. Sie bauten den ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München: C.H. Beck, 2006. 282 S.

Одним из неординарных памятников Верхнего Двуречья, который стал широко известен научной общественности за последние 15 лет (главным образом по предварительным публикациям и докладам на конференциях), является Гёбекли Тепе, функционировавший на стыке эпох древнего и нового каменного века. Книга руководителя раскопок, эксперта Восточного отделения Немецкого Археологического института, доктора Клауса Шмидта «Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологическое открытие Гёбекли Тепе» из первых рук и впервые позволяет читателю получить целостную картину истории археологического изучения объекта, имеющихся к моменту издания монографии важнейших результатов полевых работ, а также выводов и размышлений автора на данную тему. Основная часть текста снабжена планами, прорисовками, фотографиями, многие из которых публикуются впервые. Прекрасно владея информацией, в том числе новейшей, по ближневосточным культурам каменного века, К. Шмидт представляет материалы Гёбекли Тепе в соотношении с сопоставимыми данными других памятников Передней Азии и, прежде всего, Южного Тавра. Не случайно в конце монографии даны обширная библиография, словарь терминов, предметный указатель, а также указатели имен, археологических мест и географических названий. Рецензируемая книга не является строго научным изданием в привычном его понимании, обобщающим отчетом о проведенных раскопках с картами и таблицами в приложениях. Она написана в стиле знаменитого археологического бестселлера К.В. Керма «Боги, гробницы, ученые». Разница в том, что автор рецензируемой работы – профессиональный археолог, не одно десятилетие работающий с представляемым материалом. Соответственно, многие страницы отражают его личный опыт, несут воспоминания о конкретных моментах из жизни, передают субъективный взгляд Шмидта на ряд вопросов. Все эти нюансы делают чтение увлекательным.

В I главе излагаются события повторного открытия Гёбекли Тепе. Оно было осуществлено в октябре 1994 г. разведочной группой, целью которой являлось обследование памятников каменного века в вилайете Урфа (Юго-Восточная Турция). В самой высокой точке исследуемого известнякового плато ученые обнаружили мощный холм искусственного происхождения, имеющий несколько вершин с видневшимися между ними впадинами. Необычное топографическое положение, размеры Гёбекли Тепе, наличие среди подъемного материала большого количества кремневых осколков и характерных изделий из кремня, крупных фрагментов обработанных известняковых объектов, в том числе узнаваемых частей Т-образных стел, к тому времени уже известных по раскопкам докерамического поселения Невали Чори, отсутствие следов керамики – все это убедило исследователей в ранненеолитическом возрасте и чрезвычайной археологической важности осматриваемого телля (с. 13–17). Интересно, что впервые памятник был зафиксирован как объект каменного века и кратко описан американским археологом Питером Бенедиктом в обзорном сообщении по результатам разведки 1963 г. Однако тогда особый характер и значение данного пункта определены не были.

Природно-климатическому описанию города Шанлиурфы и его окрестностей, с несколькими историческими отступлениями, посвящен один из разделов I главы (с. 18–22).